

ОБРАЗ ДЕТСТВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Немова Ольга Алексеевна,

кандидат социологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина»

✉ nhl_@list.ru

Карнаухова Вероника Александровна,

кандидат искусствоведения, доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина»

✉ kevs@mts-nn.ru

Шевченко Наталья Анатольевна,

преподаватель

Ставропольский колледж искусств (г. Ставрополь)

✉ natashashevchenkog@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье освещается проблема существования сегодня детства как особой категории, предполагающей специфическую психологию, тип мировоззрения и эстетический взгляд на мир. Речь идет об укоренённом в человеческой культуре особом социокультурном феномене детства, который подвергается на сегодняшний день явной трансформации. Авторы обращаются к методологии феноменологического исследования и опираются на труды А. Шютца, Ф. Арьеса и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *детство, социология, феноменология, искусство, детское кино.*

THE IMAGE OF CHILDHOOD AS A CULTURAL PHENOMENON AND ITS MODERN TRANSFORMATIONS

Nemova O.A.,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

FSBEI of HE "Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minina "

Karnaukhova V.A.,

candidate of art history, associate professor

FSBEI of HE "Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minina "

Shevchenko N.A.,

teacher

Stavropol College of Art (Stavropol)

ABSTRACT

The article highlights the problem of the existence of today's childhood as a special category, involving specific psychology, type of worldview and aesthetic view of the world. We are talking about a special socio-cultural phenomenon of childhood rooted in human culture, which is undergoing a clear transformation today. The authors turn to the methodology of phenomenological research and rely on the works of A. Schütz, F. Arjes, etc.

KEYWORDS: *childhood, sociology, phenomenology, art, children's cinema.*

Прагматизм современной жизни порождает отчуждение детей от мира прекрасного, а значит — постепенно происходит девальвация всего того, что было фундаментом воспитания ребёнка: добро, духовность, нравственные и эстетические идеалы, лежащие в основе человеческой культуры и этики — сострадание к слабому, взаимовыручка, совесть, отзывчивость и др. Трансляция этих ценностей происходила благодаря музыке, детской литературе, театру, изобразительному искусству, а в XX веке — детскому кинематографу, традиции которого на сегодняшний день тоже можно считать утраченными. В значительной степени усвоению этих ценностей подрастающим

поколением в прошлом способствовало художественное, творческое образование — то, что теперь стало именоваться «дополнительным». На том, что не бесспорно даже само понятие, настаивают авторы статей, посвященных детскому художественному воспитанию. Так, И. С. Ушаков пишет: «... вызывает возражение сам термин «дополнительное образование» из-за того, что происходит снижение ценности, сути этого самого образования, где слово «дополнительное» понимается как необязательное: хочешь «дополни», а можешь и не дополнять...» [1, С. 142].

Мир искусства и культуры в целом является своеобразным отражением наличного состояния повседневной реальности, а также способом его эстетического познания. Придерживаясь точки зрения Аристотеля относительно роли искусства (искусство должно вызывать катарсис, т.е. способствовать духовному очищению человека, через вызывание чувства эмоционального сопереживания) мы считаем, что и современное искусство должно быть нацелено на процесс дальнейшей гуманизации человеческого бытия. Соответственно, нам принципиально важна векторная направленность современного искусства относительно понимания и представления социокультурного феномена детства. В целом, данные трансформации обусловлены нарастанием общего кризиса гуманистической культуры. Проявления данного кризиса отражаются в образно-эстетической форме в искусстве в целом.

Постараемся на эмпирических примерах проследить данные трансформационные тенденции. Так, в частности, мы являемся свидетелями фактического исчезновения детского кинематографа, т.е. создания художественных фильмов для детей младшего, среднего и юношеского возраста. В отличие от советского прошлого современным детям по большей части приходится довольствоваться третьесортными сериалами для взрослых, в изобилии напичканными сценами насилия, эротики, пошлым юмором и шутками — представляющих сомнительную эстетическую ценность и такую же воспитательно-социализационную значимость. За последнюю четверть века в широкий телевизионный прокат вышло не более 15 художественных фильмов для детской зрительской аудитории, однако практиче-

ски не получивших популярности среди своей целевой аудитории. В условиях рыночного общества создание данного продукта оказалось делом крайне невыгодным с материальной точки зрения. Проще снимать взрослых в обычной повседневной одежде и обстановке, чем создавать для детей мир волшебства и сказки, способный захватить зрительское внимание ребёнка. Фильмы в стиле А. Роу в современных рыночных условиях оказались абсолютно не конкурентно способными: дорого обходится сказочный интерьер (летающая ступа бабы Яги, костюмы, декорации и т.д.). Снимать кино выгоднее для трех поколений взрослых (родители, прауродители, прапрауродители), чем для одного поколения детей ограниченного временными интервалами (от 7 до 18 лет).

Не многим лучше обстоит дело и с современной детской мультипликацией, пользующейся огромной популярностью среди подрастающих поколений и их родителей. Дети обожают мультфильмы, так как на экране оживают их любимые игрушки и герои, которые говорят на понятном именно детям языке. Чтобы быть ближе к ребёнку, встать с ним на одном уровне, озвучивание мультфильмов осуществляется с использованием «детского голоса». Сюжет мультфильма построен таким образом, чтобы не только быть интригующим, но и затрагивал актуальные для детского возраста проблемы.

Родителям мультфильмы нравятся из других соображений, более прагматичных и утилитарных. Чтобы быть конкурентно способными на рынке труда с бездетными и бессемейными работниками, а также в условиях роста популярности атипичных форм занятости (удаленный доступ, фрилансер, самозанятость и т.д.), поколение современных родителей вынуждено работать дома или брать работу на дом. Дети, таким образом, являются естественной помехой при выполнении трудовых обязанностей родителей. «Привязывание» (через демонстрацию мультфильма или компьютерные игры) ребёнка к экрану телевизора, компьютера, мобильного телефона является универсальным средством решения данной проблемы. Родителям кажется, что ребёнок при просмотре мультфильмов, игре на компьютере или прослушивании музыки чему-то учится и образовывается, а у них есть два-три часа спокойной работы.

Качество современной мультипликационной и кинопродукции для детей оставляет желать лучшего, а многое вообще вредно для демонстрации. Так, в 2014 году на базе исследовательской лаборатории по проблемам современной семьи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина было проведено социологическое исследование современной мультипликационной продукции. Цель исследования — выявление семейных духовно-нравственных ценностей, прививаемых детям через мультипликацию. На конкретных многочисленных примерах было обнаружено, что в современной мультипликации, пользующейся огромной популярностью в детской зрительской аудитории, идет открытая пропаганда семейных анти ценностей, а именно, 1) бесполезности семьи или семья как обуза; 2) представление малодетной, однопородной или неполной семьи как нормы; 3) феномен формирования отвращения к родительству как таковому; 4) феномен детофобии; 5) девальвация традиционных семейных ролей (мать и отец, прародители); 6) демонстрация гендерной асимметрии как нормы в образах юноши и девушки, мужчины и женщины; 7) феномен толерантного отношения к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Вместо того, чтобы прививать детям ценность семьи, родительства, через СМИ учить гармоничным семейным отношениям мы обнаруживаем, наоборот, прямо противоположное. Таковы неутешительные результаты авторского эмпирического исследования [2, С. 152–173].

В кризисном состоянии находятся и жанр детской песни. На смену простым, легко запоминающимся мелодиям советского прошлого, которые все мы помним со времен нашего детства, приходят «сложноструктурированные» музыкальные квадраты, невозможные к простому восприятию. Это плоды анализа, а не вдохновения: вымороженные мелодии с усложненными текстами, зачастую не понятные детям и не актуальные для их возраста по тематике. Поэтому, детям не остается ничего, кроме как принимать за идеал формы и подражания то, что слышат вокруг себя. Нелепо выглядит когда дети поют песни популярного молодежного исполнителя Егора Крида (песня «Холостяк») про «прелесть холостяцкой жизни», тонкости интим-

ных отношений с «будущим бывшим» или Ольги Бузовой, пропагандирующей калантаевское отношение к любви как к «стакану выпитой воды» (песня «Эгоистка»).

В исследовании авторы опираются на феноменологическую социологию Альфреда Шютца, позволяющую провести качественный анализ неструктурированных и не форматизированных эмпирических данных, а именно трансформацию в искусстве социокультурного феномена детства. Если попытаться рассмотреть происходящие сегодня в российском социуме изменения ценностей детства и мира ребёнка с позиций отношения к детству как уникальному социокультурному феномену, то можно ясно представить себе тот «культурный стандарт», на который были ориентированы в процессе детского воспитания поколения наших предшественников и — возможно — не только более ясно осознать размеры катастрофических изменений, которым он был подвергнут в последнее время, но и наметить пути выхода из кризиса. Для этого совершим краткий экскурс в историю нашей культуры.

Детство — это некое вечное свойство души, независимое от возраста, являющееся по своей сути особым исторически детерминированным социокультурным феноменом. Здесь соединяются слабость и сила, неразумие и мудрость, наивность и искущённость, и вечная тяга к своим истокам, соблазняющая мечтой начать всё сначала, с «чистого листа».

Общепризнанным авторитетом, можно сказать, первооткрывателем мира детства по праву считается Филипп Арьес [3]. На примере анализа содержания живописных полотен общепризнанных художников Ф. Арьес показал, что дети фактически не изображались вообще и не являлись главными героями вплоть до начала XIX столетия. Именно с этого времени образы детей, хрупкость и глубина их внутреннего мира становятся объектом воображения писателей, художников и музыкантов.

Абсолютно по-разному представители творческих профессий подходили к воплощению темы детства. Одни, увлекаясь внешностью, передавали лишь детскую миловидность, другие пытались заглянуть в душу маленьких героев. В портрете ребенка мастер порой

передавал и свое отношение к миру, в который вступает этот новый человек, и ощущение искренности и чистоты, особой гармонии, какую мы встретим, например, в детских портретах импрессиониста Огюста Ренуара.

Топос детского развивался на протяжении многих столетий культуры, однако в XIX веке он обретает новые смысловые оттенки, новое поэтическое и символическое звучание. Чтобы понять масштабы трансформации социокультурного феномена детства в наше время, необходимо исследовать, каким данный феномен был в русской культуре. В поиске трансформационных изменений социокультурного феномена детства, следуя традиции Ф. Арьеса, мы основной акцент также сделаем на анализе произведений живописи.

В русской культуре XIX в. тема детства активно зазвучала в общественном сознании, в философской, эстетической мысли и, как следствие, в произведениях искусства. Одним из центральных выступает вопрос о том, каким формируется современный ребёнок, каким предстоит ему стать и каким должно быть детство. Мотивы детства переплетаются с острой социальной проблематикой и — не редко — эстетикой «трагического». Ребёнок становится главным героем на полотнах художников-передвижников Василия Перова, Валентина Серова, Ильи Репина и Бориса Кустодиева.

Вспомнив постулаты, лежащие в основе эстетики этих художников, можно понять, почему освещение темы детства приобретает новый смысл в их искусстве: человек с момента своего рождения обречен на нищету и страдания. Его жизнь протекает в убогом жилище, он вечно полуголодный и неграмотный. Родителям важно было поскорее превратить своего ребенка в помощника, для чего его отдавали в ученье к мастерам. Именно дети из среды бедняков приковывали к себе внимание передвижников и в целом предопределяли характер большинства работ этого времени. Таковы полотна К. Е. Маковского (1839–1915) «Дети, бегущие от грозы» (1872), В. Е. Маковского (1846–1920) «Игра в бабки» (1870) или одно из характерных произведений этого времени — картина В. Г. Перова (1833–1882) «Тройка» (1866). Название картины выразительно само по себе — дети как бы впряжены в сани; характер их движений, повороты фигур напомина-

ют «тройку» лошадей. Общее настроение картины — тягостная безотрадная тоска — подчеркнута манерой «аскетической» живописи.

Такое же впечатление производит и другая картина Перова — «Спящие дети» (1870), в которой ощущается скрытый диалог с венециановским «Спящим пастушком», но диалог этот основан на антитезе: Пастушок Венецианова внушает чувство покоя, умиротворения, у Перова дети изображены в интерьере крестьянской избы, на постели, застланной грязным тряпьем.

Рассмотрим историческое полотно В. И. Сурикова (1848–1916) «Меншиков в Березове» (1883): сподвижник Петра I сослан в глухую сибирскую деревню вместе со своими детьми, Суриков показывает их всех. Через образ младшей дочери художник выразил свое понимание ценности человеческой личности, способной с достоинством принимать лишения судьбы. Сашенька, читающая Библию, как бы не замечает гнетущей обстановки. В отчаянии старшая сестра, Мария, которая, попав в опалу, потеряла возможность стать женой русского императора Петра II, мрачны раздумья брата. Именно в Библии, по мысли художника, кроется утешение, призыв к смирению, преодолению испытаний. Ребенок с незамутненным сознанием, готовностью к восприятию радости бытия, инстинктивным чувством жизнелюбия гораздо сильнее, чем взрослый человек, обнаруживает способность принять жизнь в любой форме.

Вспоминаются и работы Л. Соломаткина (1837–1883), например, «Славильщики» (1882), где группа ребят в нарядных костюмчиках в доме соседей славят с песнями Христа, а также картина «Канатоходка» (1866). Портреты своих детей создавали Суриков и Репин, писавший своих дочерей. В частности, Надя позировала для картины «Стрекоза». Эталонном для русских художников становится мир гармонии, живущий в детской душе, сострадание к этому миру, желание его сберечь. Эти ценности преваляли в воспитании детей из разных семей и сословий, существовавших в русском обществе XIX столетия.

Одним из тех, кто охотно изображает детские лики, является французский художник Огюст Ренуар. Теплая атмосфера домашней жизни чувствуется в полотнах с участием его детей. Мать и дитя на одной

из его очаровательных работ — Алина Ренуар и Пьер Ренуар, старший сын художника. («Мать и дитя» (1881), «Пьер Ренуар» (1890)).

Вспомним творчество Пабло Пикассо, например, его полотно «Девочка на шаре» (1905) и гуашь «Два брата» (1906). Картина «Девочка на шаре» решена таким образом, что показывает конфликт и единство статики малого и большого, юного и опытного. Среди отечественных художников XX века надо упомянуть Александра Лактионова, его «Письмо с фронта», «Мать» А. Дейнеки, «Утро» Т. Яблонской и др.

В наши дни появилась картина «Мальчик с апельсином» пермской художницы К. Козловой (2017) — «парафраз» на «Девочку с персиками» В. Серова. Стоит упомянуть работы нижегородской художницы Инны Варламовой, долгое время создававшей иллюстрации к православному журналу «Саша и Даша» и детским книгам.

Образы детей, немногочисленные в наши дни, отличаются теми же качествами, что и в XIX веке: художники ориентируются на его каноны, чтобы удержать «ускользающую красоту», чистоту и хрупкость, противостоя негативным тенденциям.

Попробуем, вспомнив социокультурный феномен детства, сформированный в русской культуре, понять, каков он сегодня? Сравнение сразу выявит произошедшие в нём и его интерпретации значительные изменения. В современном мире ребёнок предстаёт как некий объект достижения целей (новые цели — деловая успешность, конкурентоспособность, карьерный рост и связанное с ним материальное благополучие). Что предлагает сегодня в подавляющем большинстве случаев художественное творчество, культура и искусство детям? Здесь мы видим, что существует определенная стратегия, результатом внедрения которой становится то, что ребёнок зачастую предстаёт как «объект» потребления нового медиатора, отнюдь не ориентированного на духовно-нравственные ценности, о чем выше говорилось. Уход духовного и морального начала из сфер, в которых испокон века существовало, заметен сегодня как никогда. Это, например, демонстрируют сегодняшние человеческие отношения в сфере любви [8].

В современном мире сам топос детского зависит от культурного контекста. Карл Хоноре отмечает, что сегодня распорядок дня ребен-

ка не уступает расписанию руководителей крупных компаний. «Детство слишком драгоценно, чтобы оставлять его детям» — так британский мыслитель излагает основной педагогический принцип нашего времени. В результате уставшие «цветы жизни» из обеспеченных семей, практически не имеющие в своём распоряжении свободного времени, становятся особенностью текущей эпохи [6, С. 392]. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ушаков И.С.* Вовлечение родителей учащихся в процесс начального обучения на фортепиано // *Культура, образование и искусство: партнерство семьи и дополнительного образования в формировании профессиональных ценностей*, НГПУ им. К. Минина. 2018. С. 142–145.
2. *Немова О.А., Бурухина А.Ф.* Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2014. № 1. С. 152–173.
3. *Аръес Филипп.* Ребенок и старая жизнь при старом порядке // Пер. с фр. Я Старцева, В. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.
4. *Шадрина А.* Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. — М.: «Новое литературное обозрение», 2017, 392 с.
5. *Грааф, Джон де.* Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру: [перевод с английского] / Джон де Грааф, Дэвид Ванн, Томас Х. Нейлор. — Москва, Алгоритм, 2016, С.100.
6. *Стэндинг Гай.* Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
7. *Кутырев В.А., Уваров А.Н.* Печальная судьба философии, даже (особенно) в образовании // *Вестник Мининского университета*, 2016, № 3.
8. *Немова О.А., Свадьбина Т.В., Пакина Т.А.* Цена и ценность любви: опыт социоантропного анализа // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 4 (17). С. 37.
9. *Немова О.А., Свадьбина Т.В.* Семейное воспитание в условиях общества массового потребления // *Социология*. 2013. № 3, С. 35–41.